

Эрн В.Ф. Голос событий. Впервые: Новое звено. 1914. 15 ноября. № 47. С. 4-6. Печ. по: Эрн В.Ф. *Сочинения*. С.299-303.

ГОЛОС СОБЫТИЙ

I

Мы вступили в исключительное время — на грань двух эпох. На наших глазах рушатся великие царства и возникают новые, беспредельные мировые возможности. В потоках крови, в ужасах величайшего напряжения столкнувшихся наций-колоссов занимается новый, быть может, последний день всемирной истории.

Нет никакого сомнения, что внезапный поток событий, ураганом сорвавшийся на Европу, с катастрофической силой рушит не только старые формы европейского быта, не только меняет до неузнаваемости внешний облик вечно-милой, любимой Земли. Нет! в беспримерных битвах, каких не знала еще история, рождается новое постижение мира, с каких-то звездных высот нисходят новые духовные задачи вселенской значительности, и горе тем нациям, которые в этот час великого испытания окажутся неготовыми и духовно отставшими. История, вступающая в фазис головокружительной быстроты своего становления, расшвыряет их по самым последним местам и делает их «пушечным мясом» самых грозных, самых решительных и, быть может, последних своих манифестаций.

II

По предвечному плану Создателя мира, с внезапностью чуда Россия вдруг была брошена в самую гущу грандиозных событий и заняла ответственнейшее, едва ли не первое место в начавшемся катаклизме европейской истории. Судьбы России тесно сплелись с судьбой всего мира, и судьбы мира таинственным звеном сковались с судьбой России. Если раньше загадка России волновала величайших представителей русской мысли, если раньше Сфинкс русского предназначения в мире глухо тревожил всю Европу, то мы смело можем сказать, что не было эпохи ни в русской, ни в европейской истории, когда вопрос о России, об ее загадочной сущности и о ее великих путях стоял бы с большей остротой и с большей жгучестью, чем теперь. В настоящий миг русский народ и в своей внутренней решимости и в своем внешнем героическом облике подобен великому Петру перед Полтавской битвой.

...Из шатра
Толпой любимцев окруженный
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как Божия гроза*.

Но в грозе полярность. Гроза и разрушает, и оплодотворяет, и губит, и живит. Гроза в себе собранной русской силы «ужасна» и «прекрасна». Малейший уклон в глубинах нашей национальной воли — и мы повернемся к миру, к истории ужасами, — не ужасами германизма, конечно, а ужасами всемирно-исторической неудачи. Если же там, в глубине, в «пещере Матерей» нашего народного существа, пребудем верными Духу и Правде — миру будет явлена безмерная красота, быть может, та самая, которая, по вере Мышкина — Достоевского, «спасет мир».

III

Владимир Соловьев не так давно ставил радикальный вопрос:

О Русь! В предведеньи высококом
Ты мыслью гордой занята.
Каким же хочешь быть Востоком?
Востоком Ксеркса иль Христа? **

Этого вопроса мы повторить не можем. Мощь России развернулась в невиданной красоте самоотверженного и смиренного служения на полях небывалых сражений. «И Бога браней благодатью наш каждый шаг запечатлен» ***. Но духа Ксеркса нет в народе нашем. В нервическом иступлении разбушевавшееся море истории бичует «народ философов и гуманистов». Дух Ксеркса видимо и осязательно вселился в «самую ученую нацию в мире».

Перед Россией стоят иные вопросы и иные искушения. Наступает время, когда Россия должна сказать свое мировое слово. Доселе Россия жила пусть огромным и грандиозным, но все же своим обособленным углом во всемирной истории. Теперь же она выступает в роли вершительницы судеб Европы, и от ее мудрости, от ее вдохновения и решимости будет зависеть вся дальнейшая история мира. Никогда Россия не попадала в более ответственное положение. Никогда не требовалось от нее большего духовного напряжения и большей верности своему идеальному существу. Проблема Европы ставится не перед отдельными передовыми умами, не перед враждующими группами образованных русских людей, а перед самой нацией русской, перед самим народом русским, требуя от него не споров, не различных течений «литературных мнений», а решительного творческого дела и творческого самоопределения. Проблема Европы во всей своей безмерной культурной, политической и религиозной сложности превращается в практический вопрос русской политики.

IV

Странно сказать, но мы присутствуем при каком-то неожиданном и внутренне-разумном перемещении. Наше теоретическое и интеллектуальное отношение к проблеме Европы уже не предвещает события и не подготавливает их, а вызывается ими и вытекает из них. Разумный дух истории как бы перевоплотился в чистое действие, и великими словами нашей эпохи стали не книги и сочинения, а грандиозные факты и мировые потрясения. Вот почему при необычайном подъеме национального чувства, при редко возвышенной согласованности единого дела у нас наблюдается некоторая идейная растерянность: мысль не поспевает за потоком новых коренных изменений и не может охватить огромного смысла стремительно несущихся событий.

Но каким бы высшим смыслом ни были озарены великие свершения настоящего момента, очевидно, недостаточно следить за ними одним взволнованным чувством, недостаточно даже понимать их пассивно, «post factum». При том напряжении всех наших духовных и материальных сил, которого потребовала вдруг история, с категоричностью императива требуется и величайшее творческое напряжение нашего народного разума. Великий свет этой божественной способности должен

осветить не только то, что совершилось и свершается с нами, но и то, что призваны свершать мы в ближайшем и отдаленном будущем. Мы должны с открытыми глазами нашим народным разумом перерешить все вопросы европейской культуры, произвести мировой синтез накопившихся противоречий, и этот синтез должен лечь в основу чаемого, верим, ослепительного расцвета русского дела. Вот когда «всечеловечность» русской души, доселе лишь чувствуемая, но не осуществленная, должна воплотиться в действительность исторически, социально, в огромных мировых масштабах. Величайшие представители русской мысли всегда стояли на страже светлого будущего России, но теперь, когда перед нами приотворяются двери этого будущего, — с особенной настойчивостью нужно говорить: *caveant consules!* * и с особенной силой призывать к осмотрительности, зоркости и проницательности.

V

И странно, именно теперь стали у нас раздаваться зловещие голоса. Любители вчерашнего дня истории, привыкшие к умственному обиходу преимущественно немецких точек зрения, в обилии фабриковавшихся в университетских городах Германии, несмотря на пожар взрывающихся событий, не хотят сходить с насиженных мест и раскрывать глаза на грозные проблемы. Пока еще с робостью они начинают пытаться уверить всех, что, собственно говоря, в мире ничего особенного и чрезвычайного не происходит, что битвы народов, победы и поражения, энтузиазм и зверства — все это движется в пределах «старого» и «привычного» и что как только Тройственное согласие zalъет пламя, охватившее Европу, и обезвредит разбушевавшуюся Германию — все водворится на свои старые места. Словом, новую, творческую, всеславянскую и всемирную Россию, родившуюся на полях сражений, эти голоса пытаются «обойти с тылу» и, как бы в тайном союзе с повергающимся в прах германизмом, готовятся нанести ей тяжелый удар духовным отступничеством.

Мне кажется, нам нужно ополчиться Прежде всего против этой внутренней опасности. Наши войска истекают жертвенною кровью не для того, чтобы сознание русских людей оставалось во власти безразличия, неверия и бесплодного скептицизма. С великими жертвами нами одерживаются труднейшие победы не для того, чтобы после войны мы возвратились к разбитому корыту российской дряблости, безволия и готовности опять, как в последние десятилетия, идти на буксире европейской истории.

Нет! Перед Россией открываются новые, беспредельные горизонты. И она должна, подавив в себе старые болезни и собрав воедино свою национальную волю, смиренно склониться перед Промыслом, вызывающим ее на великую историческую деятельность, и Ангелу-благовестителю всей силой и всем разумением своим ответить: «Се раба Господня, да будет мне по слову Твоему!» *